

УДК 316.624

РИСКИ АЛКОГОЛИЗАЦИИ И МОДЕЛИ АЛКОГОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ***Плотникова Елена Борисовна,**

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Plotnikova1958@yandex.ru

Германов Игорь Анатольевич,

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Germanov1973@yandex.ru

Петухов Константин Алексеевич,

кандидат политических наук,
доцент кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: c.petoukhov@gmail.com

Рассматриваются нормативные представления населения Пермского края в отношении потребления алкоголя, а также их гендерные и возрастные различия. Сделаны выводы о противоречивости декларируемого отношения и реального алкогольного поведения. Проанализированы специфика рисков алкоголизации и перспективы изменения моделей алкогольного поведения. Подтверждаются выводы ряда исследователей о наличии мужского и женского паттернов алкогольного потребления. Показано, что основной группой жителей края, находящихся под угрозой алкоголизации, составляют люди в наиболее активном и трудоспособном возрасте 31–45 лет.

Ключевые слова: потребление алкоголя; социальные установки; алкоголизация.

В России проблема алкоголизации населения достигла такой остроты, что рассматривается в качестве реальной угрозы национальной безопасности. Алкогольная ситуация, характеризующаяся крайне высоким уровнем потребления, а также очень неблагоприятной структурой потребляемых спиртных напитков, рассматривается в качестве одного из важнейших деструктивных факторов демографического, социального и экономическо-

го развития России [см. 2, 3, 5 и др.]. Согласно прогнозам ООН за ближайшие 15 лет любовь россиян к спиртному приведет к потерям населения в объеме 11 млн. чел., следствием чего станет сокращение трудовых ресурсов и замедление темпов экономического роста [1].

С негативными последствиями злоупотребления алкоголем сталкивались и сталкиваются многие страны, в том числе превосходящие Россию по уровню экономического и социального развития: Финляндия, Норвегия, Германия, Польша, Чехия, Венгрия и др. Одно из последних свидетельств — статья в британской газете «The Telegraph», автор которой утверждает, что его страна срочно нуждается в помощи в связи с массовым распространением проблем, связанных с потреблением алкоголя [5]. В мире уже накоплен значительный опыт ре-

* Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г. (проект № 929, рук. Е.Б. Плотникова).

шения алкогольных проблем, разработаны довольно эффективные меры, благодаря которым заметно сокращаются негативные последствия алкоголизации. С недавнего времени определенные шаги в данном направлении делаются и в России. Введены ограничения по месту и времени продажи алкоголя; значительно увеличены акцизы на алкогольную продукцию, что снижает ее доступность для населения; реализованы меры, ориентированные на снижение производства и продажи спиртосодержащих жидкостей технического назначения и др. В то же время очевидно, что принятых мер недостаточно. Эксперты отмечают, что современная антиалкогольная политика, осуществляемая в нашей стране, не учитывает объективных обстоятельств обращения населения к алкоголю и обусловленного спроса на алкоголь, повторяются прежние ошибки государственного регулирования алкогольных проблем [4, с. 4]. Радикальное изменение ситуации возможно лишь с трансформацией стиля жизни россиян, изменения культуры в отношении к алкоголю.

Взаимосвязь культуры и показателей, характеризующих потребление алкоголя, неоднократно подтверждалась многими авторами. Например, Р. Тартер и Д. Шнейдер (R. Tarter, D. Schneider) выделяют целый ряд факторов социокультурного плана, которые влияют на установки и алкогольное поведение индивида: представления о допустимом и чрезмерном количестве выпитого алкоголя, «безопасном» уровне потребления; ритуалы, обычаи, виды деятельности и ситуации, с которыми связано потребление алкогольных напитков; символическое значение алкоголя; тип предпочитаемых напитков; категоризация социальных групп и индивидов, злоупотребляющих алкоголем, и др. [8, с. 95]. Указанные факторы в значительной мере детерминируют решения индивида относительно первого опробования алкоголя, поддержания интереса к нему, а также отказа от его употребления. Культурные факторы используются и в объяснении различий в показателях алкоголизации в возрастных, гендерных, этнических и религиозных группах, социальных классах [6, 7]. Таким образом, исследование особенностей нормативных представлений об алкогольном поведении дает возможность определить характер размещения риска алкоголизации, дать оценку степени указанной опасности для различных социальных групп, сформировать прогноз относительно будущих масштабов алкогольных проблем.

Основной целью данной статьи является анализ нормативных представлений относительно по-

требления алкоголя, а также выявление их специфики у различных социально-демографических групп населения Пермского края. Эмпирической базой работы послужили результаты социологического опроса, проведенного летом 2012 г. сотрудниками Пермского центра социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ.

Программой исследования был предусмотрен опрос в 20 административных образованиях региона, представляющих различные типы социально-экономических и географических условий, существующих в Пермском крае. Метод анкетного опроса обеспечил возможность получения более откровенных ответов на вопросы, касающиеся частоты и способов потребления алкоголя. Вместе с тем для обеспечения большей репрезентативности полученных результатов, возможности распространить полученные выводы на всю генеральную совокупность (взрослых жителей Пермского края) в ходе опроса контролировался ряд социально-демографических показателей респондентов. Пропорции распределения участников опроса по полу, возрасту и образованию основаны на данных Пермьстата, полученных во время всероссийской переписи 2010 г. Всего в анкетном опросе приняли участие 904 жителя Пермского края в возрасте от 18 до 70 лет. Среди них 425 мужчин и 479 женщин. 38,7 % участников опроса имеют среднее общее образование; 44,1 % опрошенных получили начальное или среднее специальное образование; остальные 17,2 % респондентов имеют высшее образование.

Диагностика нормативных представлений респондентов осуществлялась в двух направлениях. Для оценки общих установок по отношению к алкоголю участникам опроса предлагался перечень из 10 нормативно-окрашенных суждений, степень согласия/несогласия с которыми определялась по 5-балльной шкале (1 — полностью согласен; 2 — скорее согласен; 3 — отчасти согласен, отчасти — нет; 4 — скорее не согласен; 5 — полностью не согласен). Ответы респондентов по каждому из суждений обрабатывались с помощью процедуры факторного анализа¹. Выяснилось, что структура установок по отношению к алкоголю включает в себя три компонента. Первый фактор, объясняющий 32 % общей дисперсии значений исходных признаков, имеет положительную связь с суждениями, утверждающими, что алкоголь является неотъемлемым атрибутом в жизни современного человека (см. табл. 1). С ростом значений этого фактора субъективная значимость алкоголя уменьшается. Вторая компонента отражает в ос-

новном воздействие на личность стереотипов общественного сознания, связанных с трезвым образом жизни. В этот же фактор вошло суждение относительно безвредности слабоалкогольных напитков. Как и в предыдущем случае, большие значения фактора свидетельствуют об отрицательном отношении к алкоголю, но поскольку выделенные факторы ортогональны (независимы), респонденты, очевидно, вкладывают в эти

компоненты различный смысл. Информативность второго фактора составила 14,7 %. Третий фактор (11,1 %) положительно связан с суждениями, отражающими медицинские последствия употребления алкогольных напитков. С ростом значений третьего фактора субъективно воспринимаемый уровень угрозы снижается, что свидетельствует о более лояльном отношении к алкоголю.

Таблица 1. Факторная структура суждений, отражающих отношение к алкоголю

Содержание суждения (5-балльная шкала: от 1 — «полностью не согласен», до 5 — «полностью согласен»)	Фактор		
	1	2	3
Сейчас жизнь настолько напряженная, что алкоголь просто необходим, чтобы снять стресс, расслабиться	0,619	0,442	-0,172
Умеренная доза алкоголя дает заряд энергии, облегчает общение между людьми	0,786	0,125	-0,046
Дорогой алкоголь в красивой бутылке — универсальный подарок	0,714	0,025	-0,038
Хорошее событие обязательно надо «обмыть»	0,766	0,242	-0,079
Настоящий мужчина не может быть трезвенником	0,104	0,810	0,026
Лозунг «Трезвость — норма жизни» давно устарел	0,138	0,780	-0,031
Слабоалкогольные напитки (например, пиво, коктейли) можно употреблять без вреда для здоровья	0,263	0,556	-0,264
Безвредных доз алкоголя не существует	-0,132	0,076	0,557
Регулярное употребление алкоголя быстро вызывает привыкание	0,010	-0,142	0,815
Злоупотребление алкоголем — одна из основных причин преждевременной смертности	-0,048	-0,147	0,774
Информативность факторов (вклад фактора в совокупную дисперсию), %	32,0	14,7	11,1

В дальнейшем для обозначения указанных факторов будем пользоваться условными выражениями: 1 — «имманентность алкоголя», 2 — «влияние стереотипов», 3 — «риски потребления». На основе суждений, сгруппированных посредством факторизации, вычислялись индексы, имеющие одноименные названия².

Поскольку употребление спиртных напитков уже давно стало частью ритуалов повседневной деятельности, второе направление диагностики алкогольных установок предусматривало оценку представлений респондентов о жизненных ситуациях, в которых употребление алкоголя воспринимается как социально приемлемое. С этой целью участникам опроса предлагались различные варианты обстоятельств, которые могут спровоцировать потребление алкоголя. В каждом случае требовалось оценить уместность соответствующего повода для того, чтобы выпить, путем выражения степени согласия/несогласия с суждени-

ем (*Я считаю достаточным поводом, чтобы выпить, когда...*) по 5-балльной шкале, аналогичной описанной выше.

На основе ответов респондентов рассчитывался индекс, отражающий степень актуализации потребности в алкоголе как средстве удовлетворения некоторых потребностей (повышения настроения в праздник, снятие усталости стресса, связанного с неприятностями, жизненными проблемами, налаживание связей с коллегами по работе и деловыми партнерами и т.п.)³. Мы исходили из того, что чем выше значения индекса (максимальное значение — 10, минимальное — 1), тем большее значение алкоголь играет в жизни конкретного человека.

Для оценки валидности результатов измерения нормативных установок в отношении алкоголя анализировалась их связь с моделями алкогольного поведения и уровнем алкогольной зависимости.

Решение задач классификации респондентов в соответствии с моделями их алкогольного поведения осуществлялось в несколько шагов. Во-первых, проводилось деление на «пьющих» и «непьющих». Ко второй категории, следуя принятым подходам, были отнесены те, кто не употреблял алкоголь в течение последних 12 месяцев. Остальные респонденты были определены как «пьющие». Этой подгруппе участников были заданы вопросы о видах, частоте и разовом объеме потребления спиртных напитков: пива, алкогольных коктейлей, вина и шампанского, крепкого алкоголя (водка, коньяк, виски, ром и др.). Употребление напитков кустарного производства (домашнее вино, самогон, брага), а также медицинских и технических спиртосодержащих препаратов не оценивалось. Данные об объемах, частоте и структуре предпочитаемых напитков использовались для оценки уровня потребления чистого этанола. В качестве временного интервала измерения была принята одна неделя.

Основываясь на ответах респондентов относительно частоты потребления и разовой дозы потребления спиртных напитков, с помощью метода иерархического кластерного анализа были выделены четыре относительно однородных группы, характеризующиеся разными моделями алкогольного поведения. Первая группа — «абстиненты» — вобрала в себя тех участников опроса, которые употребляют алкоголь крайне редко (реже, чем раз в месяц) или не пьют вообще. Доля этой группы в общей совокупности опрошенных составила 35%. Вторая группа — «эпизодически пьющие» (54 %) — характеризуется сравнительно редкой частотой потребления (1–3 раза в месяц) относительно небольших доз алкоголя (менее 40 мл чистого этанола). Выраженных предпочтений в выборе предпочитаемых спиртных напитков в этой группе не выявлено. Третий кластер — «редко пьющие» (5 %) — включает тех, кто отметил умеренную частоту употребления алкоголя (раз в неделю), однако выпитые дозы алкоголя имеют ударный характер — 100 мл этанола и более. Еще одно отличие данной группы — практически одинаковая частота употребления пива и крепких спиртных напитков, зачастую — их сочетание. Респонденты, вошедшие в четвертую группу — «часто пьющие», отметили, что употребляют алкоголь (в основном пиво) не реже 3–4 раз в неделю, выпивая за раз около 80 мл этанола. Доля этой группы в общем массиве опрошенных составляет 6 %. Поскольку наполняемость треть-

го и четвертого кластеров оказалась невелика, для целей дальнейшего анализа была сформирована общая группа с условным названием «систематически пьющие».

Наличие влияния нормативных представлений на алкогольное поведение респондентов проверялось с помощью метода логистической регрессии. Было построено три модели (по числу анализируемых моделей поведения), каждая из которых оказалась достоверной (см. табл. 2). Однако, судя по значениям параметров качества, объяснительные возможности полученных моделей ограничены. Наиболее четко влияние рассматриваемых установок прослеживается в отношении полярных типов используемой классификации алкогольного поведения. Судя по значениям коэффициента Псевдо-R² Найджелкерка, принадлежность к типу абстинентов и систематически пьющих определяется нормативными представлениями об алкоголе на 17 % и 14 % соответственно.

Принадлежность к абстинентному типу обусловлена неприятием алкоголя в качестве неотъемлемого атрибута современной жизни (фактор «имманентность алкоголя») и низкой актуализацией потребности в спиртных напитках. При этом значимость первой из указанных переменных существенно выше, чем второй. Модель поведения, предполагающая систематическое употребление алкоголя, обусловлена неприятием негативных медицинских последствий (фактор «риск потребления»), отказом от стереотипов, связанных с трезвым образом жизни (фактор «влияние стереотипов») и значительной ролью, которую они отводят алкоголю в собственной жизни. Оказалось, что принадлежность к типу «эпизодически пьющие» слабо связана с нормативными установками. Статистически значимые связи обнаружены лишь с одним из рассматриваемых предикторов — фактором «имманентность алкоголя». Но если в случае с абстинентным типом связь положительна (чем более выражено несогласие с суждениями, указывающими на высокую значимость алкоголя в жизни современного человека, тем больше вероятность его принадлежности к данному типу), то в случае с «эпизодически пьющими» связь — обратная.

Оценка уровня алкогольной зависимости производилась с помощью индекса, в основу которого были положены ответы респондентов относительно частоты проявления различных ситуаций, являющихся маркерами наличия проблем с алкоголем. Среди них: нахождение в состоянии опьяне-

ния в течение нескольких дней подряд, факты употребления алкоголя с целью избавления от похмелья, употребление алкоголя в одиночку, ощущение необходимости сократить количество потребляемого алкоголя, совершение нежелательных поступков в состоянии опьянения, просьбы близких ограничить выпивку. Каждая из ситуаций оцени-

валась по 3-балльной шкале: никогда; бывало, но очень редко; периодически случается. Согласованность признаков высокая — значение альфа Кронбаха составило 0,828. Увеличение значений индекса (от 1 до 10) свидетельствует о возрастании уровня алкогольной зависимости.

Таблица 2. Параметры логистических уравнений, оценивающих взаимосвязь нормативных представлений об алкоголе и моделей алкогольного поведения⁴

Переменная — предиктор	Модель алкогольного поведения					
	Абстиненты		Эпизодически пьющие		Систематически пьющие	
Количество наблюдений (n)	902		902		902	
	B	Exp. B	B	Exp. B	B	Exp. B
Имманентность алкоголя	0,280	1,324	-0,399	0,671		
Влияние стереотипов					-0,318	0,727
Риск потребления					0,229	1,258
Индекс актуализации потребности в алкоголе	-0,475	0,622			0,464	1,591
Константа уравнения	1,137	3,117	0,129	1,138	-4,292	0,014
Параметры качества моделей						
Отрицательный удвоенный логарифм функции правдоподобия	1036,16		1212,96		549,98	
Доля верных предсказаний	69,7		58,4		89,4	
Псевдо-R ² Кокса — Снелла	0,12		0,04		0,07	
Псевдо-R ² Найджелкерка	0,17		0,05		0,14	

Результаты проверки связей нормативных представлений с уровнем алкогольной зависимости представлены в табл. 3. Как видим, во всех случаях присутствуют статистически значимые связи. В отношении компонент установки к алко-

голю (выделенных факторов) связи слабые (от 0,166 до 0,311 по абсолютным значениям), в отношении индекса актуализации потребности в алкоголе связь — умеренная (0,431).

Таблица 3. Связь нормативных представлений с уровнем алкогольной зависимости (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Характеристики нормативных представлений об алкоголе	Индекс алкогольной зависимости	
Индекс актуализации потребности в алкоголе	0,431**	
Компоненты установки в отношении алкоголя (факторы)	Имманентность алкоголя	-0,311**
	Влияние стереотипов	-0,190**
	Риск потребления	0,166**

Примечание: в таблице представлены регрессионные коэффициенты значимые на уровне $p < 0,01$

С учетом результатов, представленных в табл. 2 и 3, можно сделать вывод, что используемые методики измерения нормативных представлений в отношении алкоголя валидны и могут применяться для решения поставленных в исследовании задач.

Общие установки обследованной группы респондентов указывают на преимущественно негативное восприятие алкоголя. Большинство участников опроса не склонны полагать, что без алкоголя в современной жизни не обойтись (индекс «имманентность алкоголя» — 6,6), не согласны с бытующим мнением относительно трезвого образа

жизни (индекс «влияние стереотипов» — 7,6), хорошо осознают негативные последствия потребления алкоголя (индекс «риск потребления» — 7,8). В то же время среди респондентов довольно высок уровень спроса на спиртные напитки как средство удовлетворения определенных потребностей. Более половины опрошенных считают допустимым и достаточным поводом выпить в праздник, треть — в случае горя или неприятностей. Каждый шестой респондент мотивирует потребление усталостью или готов «принять» вообще без повода — «за компанию». Таким образом, налицо противоречие между декларируемым неприятием алкоголя и повседневными практиками, тесно связанными с его использованием.

Закономерно предположить, что социальные установки в отношении алкоголя будут иметь определенную специфику в различных социально-демографических группах. Действительно, формирование нормативных представлений — длительный процесс, опосредованный условиями, в которых происходит социализация личности. Большую роль здесь могут играть и гендерные, и межпоколенческие, и территориальные различия.

При проверке выдвинутых гипотез анализировались не сами индексы, а значения факторных нагрузок, соответствующих каждой из анализируемых компонент алкогольных установок. Этот подход позволяет более наглядно продемонстрировать различия нормативных представлений, характерных для той или иной группы. Отрицательные значения показателей свидетельствуют о том, что соответствующая группа давала более низкие

оценки, чем в среднем, а положительные, наоборот, более высокие. Чем больше абсолютные отклонения от условного нуля, тем больше характеристики группы отклоняются от «среднестатистических».

Анализ диаграмм распределения признаков, характеризующих алкогольные установки респондентов, указывает на то, что различия в нормативных представлениях определяются в первую очередь гендерным фактором. Практически во всех возрастных группах ответы мужчин свидетельствуют о большей субъективной значимости, которую они придают алкоголю в сравнении с женщинами. Отмеченный факт хорошо согласуется с выводами об особенностях алкоголизации мужчин и женщин [4, с. 65]

Представители «сильного пола» больше склонны полагать, что алкоголь является неотъемлемым атрибутом современной жизни, сильнее подвержены влиянию стереотипов, провоцирующих нетрезвый образ жизни, чаще преуменьшают негативные медицинские последствия употребления спиртных напитков (см. рис. 1–3). Кроме того, большинство мужчин гораздо чаще женщин используют алкоголь в повседневных жизненных ситуациях см. распределение индекса потребности в алкоголе на рис. 4. Так, например, наши данные свидетельствуют, что мужчины заметно чаще обращаются к алкоголю для снятия психологического напряжения, в связи с печальными событиями или просто так «за компанию».

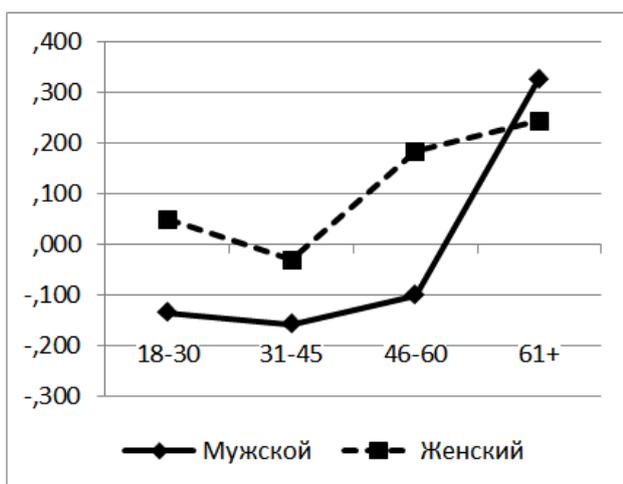

Рис. 1. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Имманентность алкоголя» в полвозрастных группах

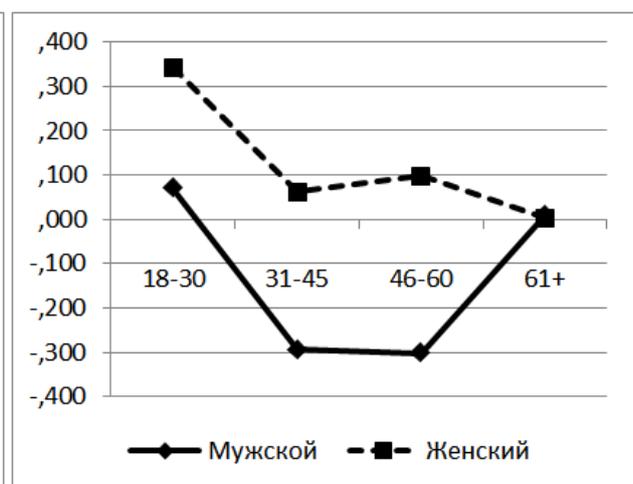

Рис. 2. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Влияние стереотипов» в полвозрастных группах

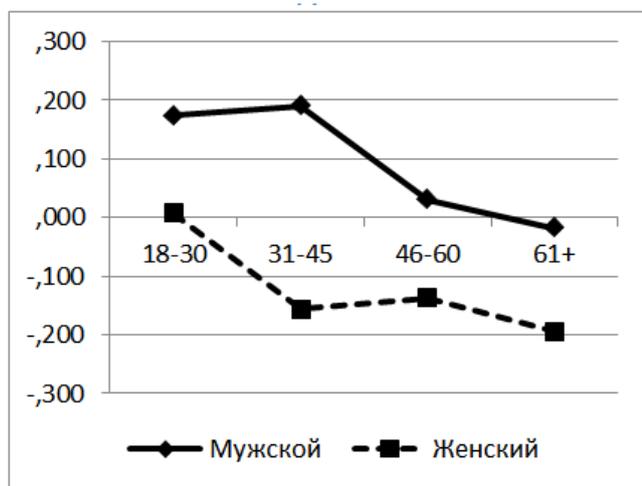

Рис. 3. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Риск потребления» в полвозрастных группах

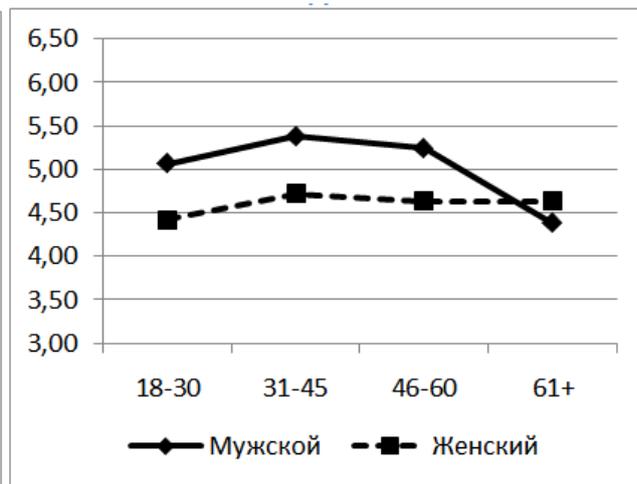

Рис. 4. Распределение средних значений индекса потребности в алкоголе в полвозрастных группах

От описанной тенденции гендерных различий заметно отклоняются лишь мужчины пенсионного возраста. По трем из четырех анализируемых показателей (воздействие факторов «имманентность алкоголя», «влияние стереотипов», индекс потребности в алкоголе) их ответы указывают на более негативное отношение к алкоголю, чем у женщин соответствующего возраста.

Главной возрастной группой риска являются люди среднего возраста (от 31 до 45 лет). В указанной группе нормативные установки характеризуются наиболее толерантным отношением к алкоголю по всем показателям. Этот вывод одинаково справедлив и в отношении мужчин, и в отношении женщин (см. рис. 1–4).

Отмеченная возрастная специфика вызывает обоснованную тревогу как минимум в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, 31–45 лет — период наибольшей социальной и трудовой активности человека. Предрасположенность к злоупотреблениям алкоголем, которое провоцируется описанным характером нормативных установок, может привести к серьезным последствиям для самореализации и развития личности в будущем. Во-вторых, указанные возрастные границы совпадают с особым периодом в жизненном цикле семьи — воспитанием несовершеннолетних детей⁵. Проалкогольные установки родителей формируют аналогичное восприятие у подрастающего поколения, способствуя воспроизводству сложившейся алкогольной культуры и дальнейшему распространению алкоголизации.

Проведенный анализ не выявил существенных отличий в алкогольных установках жителей края, проживающих в разных типах населенных пунк-

тов. Единственное отличие — заметно более выраженное осознание негативных медицинских последствий потребления спиртных напитков, которое зафиксировано среди горожан, проживающих за пределами краевого центра. Близость значений анализируемых показателей говорит о том, что нормативные представления в отношении алкоголя не связаны с уровнем урбанизации. По-видимому, развитие массовых коммуникаций, посредством которых транслируются культурные образцы, привело к унификации представлений о допустимых нормах поведения, связанных с потреблением алкоголя.

Основываясь на полученных результатах, можно сделать вывод, что сложившиеся в Пермском крае социокультурные условия в настоящее время не способствуют снижению остроты проблем алкоголизации населения. Существует явное противоречие между декларируемым отношением к алкоголю, которое носит преимущественно негативный характер, и довольно высоким социально обусловленным спросом на спиртные напитки. Употребление алкоголя продолжает оставаться частью повседневных ритуалов и коллективных привычек. Существенные изменения моделей алкогольного поведения на этом фоне вряд ли возможны.

Выявленные различия в нормативных установках свидетельствуют о неравномерном распределении рисков алкоголизации. Наши результаты подтверждают известные выводы о наличии мужского и женского паттернов алкогольного потребления. Собранные данные дополняют картину, поскольку касаются не только поведенческих, но и нормативных установок. Основную группу, находящую под угрозой, составляют жители края

в наиболее активном и трудоспособном возрасте — 31–45 лет. Среди представителей указанной возрастной группы (особенно среди мужчин) наблюдается наиболее толерантное отношение к

алкоголю, их образ жизни подразумевает самое активное использование алкоголя как средства удовлетворения разнообразных потребностей.

Таблица 4. Характеристики нормативных представлений в отношении алкоголя в группах по месту жительства

Населенный пункт — место жительства	Компоненты установки в отношении алкоголя (факторы) (среднее значение факторных нагрузок)			Индекс потребности в алкоголе (среднее значение по шкале 1–10)
	«Имманентность алкоголя»	«Влияние стереотипов»	«Риск потребления»	
Крупный город	-0,026	0,037	0,072	4,9
Средний/малый город	0,088	-0,044	-0,259	4,6
Районный центр/село	0,033	-0,115	-0,081	4,9
Статистическая значимость различия средних значений (по тесту Краскела-Уоллиса)	0,472	0,273	0,002	0,343

Примечания

¹ Использовался факторный анализ, выполненный методом главных компонент с варимакс вращением, число факторов отобрано по числу собственных значений, превосходящих единицу.

² Индексы рассчитывались как среднее арифметическое из баллов, соответствующих каждой из реакций на суждения: 1 балл — «полностью не согласен», 2 балла — «скорее не согласен», 3 балла — «отчасти согласен, отчасти нет», 4 балла — «скорее согласен», 5 баллов — «полностью согласен». Полученные значения приведены к 10-балльной шкале для обеспечения сравнимости индексов.

³ Предварительно проводился контроль согласованности ответов в каждой из предложенных респондентам ситуаций с помощью коэффициента альфа-Кронбаха. Значение коэффициента (0,843) свидетельствует о высокой согласованности оценок, что позволяет рассчитывать индекс на их основе.

⁴ В таблице представлены регрессионные коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,05$.

⁵ В нашей выборке 60% респондентов в возрасте 31–45 лет указали, что имеют несовершеннолетних детей. Тот же показатель в других возрастных группах существенно меньше — от 13 % до 29 %.

Список литературы

1. *Алкоголь убьет 11 млн россиян за 15 лет.* Доклад ООН. URL: <http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=156166> (дата обращения: 20.01.2013).
2. *Заиграев Г.Г.* Пьянство в России как реальная угроза национальной безопасности // Социоло-

- гические исследования. 2001. № 11. С. 69–76.
3. *Заиграев Г.Г.* Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–84.
4. *Потребление* алкоголя в России. Социологический анализ. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (дата обращения: 10.06.2012).
5. *Халтурина Д.А.* Алкогольная политика: мировой опыт и российские реалии. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16206699/> (дата обращения: 15.11.2011).
6. *Campbell A.* Britain has a drinking problem, and it needs help // The Telegraph. 14.09.2013. URL: <http://www.telegraph.co.uk/health/10309607/Britain-has-a-drinking-problem-and-it-needs-help.html> (date of access: 28.09.2013).
7. *Heath D.* A critical review of the sociocultural model of alcohol use // National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism, Normative Approaches to the Prevention of Alcohol Abuse and Alcoholism. Rockville, 1980. P. 1–18.
8. *Tarter R.E., Schneider D. U.* Models and theories of alcoholism // R.E. Tarter & A.A. Sugarman. Alcoholism: Interdisciplinary approaches to an enduring problem. 1976. P. 75–106. Цит. по: *Amodeo M., Jones L. Kay* Using the AOD cultural framework to view alcohol and drug issues through various cultural lenses // Journal of Social Work Education. 1998, Vol. 34. Issue 3. P. 387–400.

Получено 01.10.2014.

References

1. *Alkohol' ub'et 11 mln rossiyan za 15 let. Doklad OON* [Alcohol will kill 11 million Russians in 15 years]. Available at: <http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=156166> (accessed 20.01.2013). (In Russian).
2. Zaigraev G.G. [Drinking in Russia as a real threat to national security]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2001, no 11, pp. 69–76. (In Russian).
3. Zaigraev G.G. [Alcoholism and drinking in Russia. Ways out of the crisis situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009, no 8, pp. 74–84. (In Russian).
4. *Potreblenie alkogolya v Rossii. Sotsiologicheskij analiz* [Alcohol consumption in Russia. Sociological analysis]. Moscow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, 102 p. Available at: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (accessed 10.06.2012). (In Russian).
5. Halturina D.A. *Alkohol'naya politika: mirovoj opyt i rossijskie realii* [Alcohol policy: international experience and Russian realia]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16206699/> (accessed 15.11.2011). (In Russian).
6. Campbell A. Britain has a drinking problem, and it needs help // *The Telegraph*. 14.09.2013. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/health/10309607/Britain-has-a-drinking-problem-and-it-needs-help.html> (accessed 28.09.2013).
7. Heath D. A critical review of the sociocultural model of alcohol use // National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism, Normative Approaches to the Prevention of Alcohol Abuse and Alcoholism. Rockville, 1980. P. 1–18.
8. Tarter R.E., Schneider D. U. Models and theories of alcoholism // R.E. Tarter & A.A. Sugarman. *Alcoholism: Interdisciplinary approaches' to an enduring problem*. 1976. P. 75–106. Quoted from: Amodeo M., Jones L. Kay Using the AOD cultural framework to view alcohol and drug issues through various cultural lenses // *Journal of Social Work Education*. 1998, Vol. 34. Issue 3. P. 387–400.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

NORMS AND ATTITUDES TOWARD ALCOHOL CONSUMPTION IN THE PERM REGION

Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov, Konstantin A. Petoukhov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In paper are analyzed social norms and attitudes toward alcohol consumption in the Perm region. The gender and age differences of the attitudes are explored too. The authors argued that attitudes and real alcohol behavior are different. The specific risk of alcoholization in social and demographic groups are reviewed. Conclusions of some researchers about existence of man and female patterns of alcoholic consumption are confirmed. The main group of the region's inhabitants which is under the threat of alcoholization includes people in the most active age (31–45 years).

Key words: alcohol consumption; social norm; social attitude; alcoholism.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Плотникова Е.Б., Германов И.А., Петухов К.А. Риски алкоголизации и модели алкогольного поведения населения на региональном уровне // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. Вып. 4(20). С. 96–104.

Please cite this article in English as:

Plotnikova E.B., Germanov I.A., Petoukhov K.A. Norms and attitudes toward alcohol consumption in the Perm region // *Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*. 2014. Iss. 4(20). P. 96–104.